

Andrei Kostin

«Слово похвальное...» и «Panegyricus Elisabetae».

К вопросу об ораторском стиле Ломоносова

Если поставить на соседних полках тома Полного собрания сочинений Ломоносова, на одной — изданного под руководством Г. П. Блока в середине XX века, а на другой — переиздание этого труда, подготовленное к недавнему юбилею,¹ разительным окажется различие в толщине первых — естественнонаучных — томов. Дело в том, что большинство трудов по физике, химии, минералогии, в том числе лабораторные записи и наброски к ним, писались Ломоносовым по-латыни и лишь немногие переводились им затем на русский язык. Для Полного собрания сочинений в 1950-е годы многие из этих текстов были переведены впервые и печатались параллельно с русским текстом; редакция нового издания посчитала возможным вовсе исключить латинские тексты из набора, оставив лишь переводы.²

Это решение вполне показывает маргинальное положение, в каком находится изучение и русской новолатинской традиции в целом, и латинских текстов Ломоносова в частнос-

© Andrei Kostin, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / Глав. ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец. М.; Л., 1950 — 1983. Т. 1 — 11; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. / Глав. ред. Ю. С. Осипов. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2011.

² Ср. число страниц в первом и втором изданиях: Т. 1 — 462 (было 620); Т. 2 — 367 (было 726); Т. 3 — 351 (было 604), и т. д. Латинские тексты, впрочем, помещены в состав CD-дисков, прилагаемых к 1—7 томам издания.

ти. За исключением ряда работ по естественнонаучной терминологии³, по сути, все, чем мы обладаем в данной области, — статья Я. М. Боровского 1960 г.,⁴ где убедительно показано высокое качество латинского языка Ломоносова и определена необходимость его изучения. Хочется надеяться, что значительным шагом вперед здесь станет готовящийся в ИЛИ РАН словарь Языка Ломоносова, где предполагается подробное описание латинской лексики писателя.⁵

Вместе с тем феномен многоязычия Ломоносова заставляет особо внимательно относиться к проблеме взаимодействия различных языков, прежде всего — в художественных текстах. Не вызывает сомнения, что основой для исследований в этой области должны стать автопереводы Ломоносова — как с латыни на русский, так и с русского на латынь. Текстов таких сохранилось немало, однако лишь один из них не связан с естественнонаучной деятельностью Ломоносова, а представляет собой в полной мере образец ораторской прозы — это «Слово похвальное Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской», произнесенное на праздновании дня восшествия императрицы на престол 26 ноября 1749 г.⁶ «Слово» это занимает особое место не только в творчестве Ломоносова, но и в истории русской словесности: оно стало первой русской речью, произнесенной на торжественных собраниях Академии наук и вместе с тем — одним из первых памятников русского светского красноречия.

Особенности латинского перевода «Слова» довольно подробно рассмотрены Я. М. Боровским. Он отмечает и обилие

³ См. в т. ч. недавнюю работу: Comet R. Mixail Vasil'evič Lomonosov (1711—1765) et le latin // La lettre et l'esprit: entre langue et culture. Études à la mémoire de Jean Breuillard. Paris, 2012. [Revue des études slaves. T. 83. F. 2—3]. P. 691 — 707.

⁴ Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. [Сб.] 4. С. 206—218.

⁵ Казанский Н. Н. Трехязычный словарь языка М. В. Ломоносова // Сборник статей и материалов, посвященных 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. СПб., 2011. С. 67—78. См. также статью Н. Н. Казанского в настоящем сборнике.

⁶ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 235—256.

правки, характеризующей перевод как авторский, и ее особенности. В целом из замечаний Боровского можно заключить, что перевод Ломоносова представлял собой приведение в большую строгость не вполне оформленного и иногда излишне напыщенного русского текста, который к тому же в некоторых местах, еще до перевода, обнаруживает русские выражения, являющиеся кальками с латинских.⁷ Со многими из наблюдений Я. М. Боровского нельзя не согласиться, однако представляется, что возможности, представляемые сличением двух текстов, этими наблюдениями не исчерпываются, и, во всяком случае, проблема взгляда на русский текст через оптику латинского остается открытой.

Пожалуй, самой заметной особенностью при сличении русского и латинского текстов оказывается то, как различно употребляются Ломоносовым формы превосходной степени. В русском тексте формы качественных прилагательных и наречий употреблены 372 раза, из них в превосходной степени — лишь 66, в латинском — 236 раз из 491 (учитывались формы с суффиксами *-issim-*, *-errim-* и супплетивные формы типа *maximus*). Это соотношение будет еще более разительным, если учесть параметры частотности и сочетаемости. В русском тексте из 66 употреблений 45 приходятся на 7 слов (*премудрый, пресветлый, прекрасный, преславный, всемилостивейший, августейший, благочестивейший*). Что касается сочетаемости, то лишь 16 употреблений не выступают определениями к именованию монарха. Между тем тематическая сочетаемость и этих 16 случаев также ограничена: Бог, Россия, деяния монарха, чувства подданных к монарху. Таким образом, если для

⁷ В частности, Я. М. Боровский замечает: «Во многих местах создается впечатление, что перед нами латинский оригинал и русский перевод: мысль Ломоносова уже при выработке первоначального русского варианта отливалась в формы, теснейшим образом связанные с той стилистической школой, которую он прошел на образцах римского красноречия». Это замечание, верное в отношении отдельных мест, которые разбирает исследователь, вряд ли может быть использовано для характеристики русского текста в целом (см.: Гусейнов Г. Некоторые особенности риторической практики М. В. Ломоносова // *Scando-Slavica*. 1994. Т. 40. С. 90; Кнабе Г. С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: программа-конспект лекционного курса. М., 1999. С. 114).

латинского текста формы суперлатива предстают стилистическим элементом, создающим в целом торжественность речи, то в русском превосходная степень — избранное украшение высочайшего качества, которое достойно быть приложено лишь к ограниченному кругу объектов; в первую очередь — к монарху, его деяниям и почитанию.⁸ О том, насколько различные цели преследует использование превосходной степени в русском и латинском текстах, говорит и передача соответствующих русских оборотов в латинском тексте: из 65 употреблений суперлативом они переданы лишь в 45 случаях (две трети).⁹

Следует заметить, что превосходная степень была в первой половине XVIII века одним из важных элементов в рассуждениях о путях нормализации русского языка. Восточнославянские языки не обладали самостоятельной грамматической формой для выражения суперлативного или элативного значений, выразившихся синтетическими формами в греческом и латинском языках. Утвердившиеся в этом качестве в русском языке формы с суффиксами *-айш-/-ейш-* исторически представляют собой полные формы сравнительной степени (в частности, они отсутствуют в современном украинском языке; в белорусском употребляются преимущественно в компаративном значении; их омонимичность для выражения суперлативных и компаративных значений в русском языке фиксируется грамматиками и практикой XVIII века).¹⁰ Вместе с тем

⁸ Об обилии суперлативов в неолатинской прозе см.: Kluge O. Die neulateinische Kunstprosa // Glotta. 1934. Bd. 23. H. 1/2. S. 27—30. Особое развитие для характеристики императоров в латинском красноречии суперлативы получили в конце I—II вв. н. э. (Frei-Stolba R. Inoffizielle Kaisertitulaturen im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. // Museum Helveticum. 1969. Vol. 26. Fasc 1. S. 18—39).

⁹ Ср. случаи, когда русский оборот с превосходной степенью передается латинским выражением без суперлатива: «пресветлый праздник» → «*illustri solemnique die*»; «все преславны, все прелюбезны» → «*omnes sunt memorandae, amplectendae omnes*»; «к пресветлому жениха своего престолу» — «*ad circumfusum divina luce sponsi sui solium*»; «крайнейшею благодарностию» — «*nec majorem felicitatem*».

¹⁰ Затовканиук М. К сопоставительной характеристике суперлатива (на материале восточнославянских языков // *Bulletin rusského jazyka a literatury*. Praha, 1985. С. 26. С. 69—78; Ефимова В. С. О выражении значения суперла-

наряду с этой формой, признававшейся «книжной», авторы русских грамматик XVIII века называют такие модели образования превосходной степени, как приставки *пре-, все-, наи-*; образование двусоставных слов с местоименным элементом *само-*; аналитические формы со словами *всех, самый*; супплетивные и ряд других форм.¹¹ При этом набор моделей образования превосходной степени различен во всех грамматиках — от И. В. Пауса до Ломоносова.

Еще большую вариативность моделей образования превосходной степени показывает практика. Так, в «Слове на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго» 29 июня 1725 г. Феофан Прокопович употребляет в общей сложности 16 моделей (из которых лишь 4 — производные: *-айш-/-ейш-*; *пре-*; *все-*; *весьма...*); Симон Тодорский в «Слове на день рождения Петра Федоровича» 10 февраля 1743 г. — 9 (также 4 производных: *-айш-/-ейш-*; *пре-*; *все-*; *самый...*); Амвросий Юшкевич в «Слове в ... день рождения ... Елисаветы Петровны» 18 декабря 1742 г. — 8 (из них 5 производных: *-айш-/-ейш-*; *пре-*; *все-*; *самый...*; *весьма...*).

Несмотря на богатство средств выражения значений суперлатива и элатива (а помимо описанных, к ним относятся также такие не включавшиеся в подсчеты, как многосоставные слова со значением исключительности; конструкции типа *толь...*, *коль...* и др.), доля соответствующих словоупотреблений в ораторских сочинениях 1740-х гг. не превышает 25 % (т. е. в два раза ниже, чем в латинском слове Ломоносова).¹²

тива формами компаратива в старославянском языке // *Folia slavistica*. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 42—46; Сайгашкина И. Б. Синтетические формы превосходной степени наречий в языке русской письменности XI—XVII вв // *Вопросы лингвистики*. М., 2000. Вып. 3. С. 60—69; Николаева Н. Г. Логический «суперлатив» и способы его передачи в славянском переводе ареопагитик 1371 г // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2007. Вып. 3. ч. II. С. 198—204.

¹¹ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 202, 207, 340, 342; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 466—467; *Deutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon sammt denen Anfangs-Gründen der Ruszischen Sprache*. Spb., 1731. 2te Pag. S. 12—13.

¹² Для сравнения использованы данные следующих ораторских сочинений: 1. Феофана Прокоповича: а) Слово на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго (Петр I в русской литературе XVIII века.

Единственным исключением являются две краткие торжественные речи, обращенные в 1746 и 1748 гг. к К. Г. Разумовскому В. К. Тредиаковским — здесь приближение к латинским образцам проявляется не только в доле прилагательных с превосходной семантикой — 43 % (26 из 60), но и в том, что единственной производной моделью оказывается синтетическая форма с суффиксом *-айш-/-ейш-*.¹³

В целом, именно эта форма образования превосходной степени оказывается наиболее распространенной в «Словах» 1740-х гг.; она же оставалась доминирующей в русском языке до начала XIX в.¹⁴ Можно полагать, что одновременное осознание ее инородности¹⁵ и вместе с тем использование ее как наиболее продуктивной привело к тому, что русские ораторы се-

Тексты и комментарии. СПб., 2006. С. 62—65); б) Слово на похвалу блаженные и вечнодостойныя памяти Петра Пеликаго (Там же. С. 90—106); 2. Дмитрия Сеченова (Слово в день Благовещения пресвятыя богородицы ... 1742 года марта 25 дня. СПб., 1742); 3. Порфирия Крайского (Слово в великой пяток ... 1742 года, априллиа 16 дня. М., 1742); 4. Амвросия Юшкевича (Петр I в русской литературе XVIII века... С. 123—134); 5. Арсения Могилянско-го (Речь к ея императорскому величеству с его императорским высочеством в монаршей свите к Троицкой Сергиевой лавре приближившейся ... июня 6 дня 1744 года. [СПб., 1744]); 6. Сильвестра Кулябки (Слово В день все-торжественнейшаго тезоименитства Ея императорскаго величества ... 1744 года, сентября 5 дня. СПб., 1744); 7. В. К. Тредиаковского: а) Речь приветственная, говоренная его графскому сиятельству Кириле Григорьевичу Разумовскому (Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подг. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 348—349), б) Ему же речь благодарственная (Там же. С. 350—351).

¹³ В «Слове» Ломоносовым использовано всего 5 моделей образования суперлативной семантики, из них лишь 2 производных: с использованием приставки *пре-* (*пресветлый, преизобильный*) и суффиксов *-айш- / -ейш-*. Приставка *все-* используется только для амплификации форм с *-айш-/-ейш-* (2 корня, см. прим. 16); *наи-* — только в наречии *наипаче*. Единственное употребление аналитической формы — *самый отдаленный*.

¹⁴ Котюрова М. П. Функционирование имен прилагательных сравнительной и превосходной степени в научных текстах XVIII—XX вв. // Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь, 1994. Т. 1. С. 152—169.

¹⁵ Живов В. М. Язык и культура... С. 103, 104, 202. Ср. в «Русской грамматике» Ломоносова: «Славенский рассудительный и превосходный степень на *шій* мало употребляются кроме важного и высокого стиля» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 467).

редины века не могли позволить себе использовать ее наравне с латинским аналогом. Ограниченность в использовании этого важнейшего элемента торжественной речи и осознание его омонимичности с формами сравнительной степени приводило к тому, что в практике большинства ораторов различные формы образования суперлативной семантики объединялись. Так, у Симона Тодорского подобные амплифицированные формы суперлатива (*всепресветлейший монарх, самые неудобнейшие обстоятельства* и др.) достигают трети употреблений (16 из 48), у Амвросия Юшкевича — около 20 % (12 из 63). Стремление к отказу от подобной практики заметно прежде всего у ораторов, связанных с Московской славяно-греко-латинской академией: Порфирия Крайского, Димитрия Сеченова и Ломоносова.¹⁶ Более же всего выделяет практику Ломоносова в образовании превосходной степени то, что наибольшее число употреблений (43 из 66) у него приходится на формы с приставкой *пре-*, признанные им впоследствии в «Русской грамматике» основным способом образования превосходной степени,¹⁷ в отличие от ограниченной в сочетаемости «славянской» формы на *-айш-* / *-ейш-*. Другим оратором, употребляю-

¹⁶ У Димитрия амплификация суперлатива не используется вовсе; у Порфирия — применительно только к одному корню (превысочайших гор); у Ломоносова — применительно к двум (всемилодивейший, всепресветлейший). Ср. в «Русской грамматике» Ломоносова: «ведать должно, что кончащиеся на *шій* и без предлога *пре* больше превосходного, нежели рассудительного, степени силу имеют» (Там же. С. 467).

¹⁷ Образование превосходной степени описано Ломоносовым в §§ 213—216 «Русской грамматики». Полноценной русской грамматической формой образования превосходной степени он признает только приставку *пре-*: «Превосходный степень составляется из положительного и из предлога *пре*: *богатый, пребогатый*» (§ 213; ср. описание семантики суперлатива в § 53, где пример приводится только с этой формой: «Между многими вещьми, одно свойство имеющими, чувствуем и почитаем оное в некоторой из них всех превосходящее, что уже ни едина тем оной сравниться не может. Сие изображается именем прилагательным степени превосходного: *пресвѣтлой, престуденой*).»). Формы типа *самой скверной* Ломоносов признает суперлативными лишь по семантике, но не по грамматическим характеристикам («Самой перед положительным степенем подает ему превосходного силу», § 214); формы с *-ший-* и *наи-* описаны им как не свойственные русскому языку (последняя как польская не рекомендована к употреблению). (Там же. С. 410, 467).

щим формы с *пре-* чаще, чем с *-айш-/-ейш-* (соответственно 21 и 12 из 40), был упомянутый Димитрий Сеченов.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что различное использование Ломоносовым превосходной степени в русском и латинском вариантах «Слова похвального» 1749 г. не было случайным. В нем ярко проявилось известное двуязычие русских авторов, проходивших латинскую школьную подготовку,¹⁸ — тем более примечательное в случае с сочинением Ломоносова, что оно, по-видимому, отразило правила не только о латинском, но и о русском стиле, преподававшиеся в московской академии в конце 1720 — начале 1730-х гг.¹⁹

Сделанные наблюдения над характером употребления суперлатива в двух редакциях «Слова похвального» 1749 г. заставляют ставить вопрос о том, был ли русский текст был менее торжественным, чем латинский. Вопрос этот тем более важен, что основная часть произведенных Ломоносовым замен связана с распространением русских конструкций, а не с их упрощением. Из 641 случая выявляемой правки в 303 более простое выражение русского текста усложняется (украшается) в латинском, 187 случаев представляют собой равноценные аналоги, и лишь 151 случай относится к упрощению русских конструкций. Помимо этих лексических и фразовых расхождений особенно выделяется вступление к слову, где Ломоносов обильно использует предоставляемую латинским синтаксисом возможность разбивать главные члены предложения: при том, что расстояние между подлежащим и сказуемым в русском тексте вступления не превышает 7 слов, для латинского расстояние в 8 слов оказывается обычным, а в одном слу-

¹⁸ О типологически близком многоязычии в сочинениях Симеона Полоцкого см.: Поляков Ф. Б. Иерархия языков и память культуры: польские и неолатинские элементы в поэтике Симеона Полоцкого // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI—XVIII secolo. Alessandria, 1999. С. 249—266.

¹⁹ В свете отказа Ломоносова и Димитрия Сеченова от преимущественного употребления форм с суффиксами *-айш-/-ейш-* следует отметить, что в 1717 г. преподававший в течение долгого времени в Московской академии Софроний Лихуд при грамматическом исправлении перевода Ф. Полицарпова «Географии генеральной» последовательно исключал подобные формы образования суперлатива (Живов В. М. Язык и культура... С. 99).

чае доходит до 118 слов (подлежащее помещено в середине одного предложения; в следующем оно опущено, а сказуемое помещено в самом конце)²⁰.

Вместе с тем однозначному выводу о превращении текста при переводе в более торжественный мешает следующее обстоятельство. Среди исправлений, «упрощающих» русский текст, надежно выделяется корпус оборотов, дающих метаописание «украшенной» речи: Ломоносов исключает выражения «ревностными крилами мыслей возлетаем», «скорее голос мой ослабеет, язык притупится и слово оскудеет, нежели подробно Ея благоденствия исчислит»; производит «рационализирующие» замены: «витиеватым сложением замыслов или пестрым преложением речений» на «*exquisito verborum lenocinio*» (приисканным шумом слов), «милосердие, к котораго изображению человеческое слово едва довольно быть может» на «*miser cordia, quam nulla vis dicendi complecti potest*» (милосердие, которому никакая сила слова не может соответствовать), «хитросплетенныя риторския сложенія» на «*meditata oratio*» (продуманная речь).

Иными словами, приобретая в переводе большую украшенность, «Слово» переставало вместе с тем манифестировать себя как украшенное. Можно, конечно, полагать, что подчеркивание риторических особенностей похвального слова было необходимо в русском тексте, осознававшемся Ломоносовым как первый в своем роде, а для латинского перевода, где риторическая украшенность была очевидна любому (заведомо образованному) читателю, подобные обороты были излишни. Однако более верным кажется объяснение, связанное с ком-

²⁰Для наглядности приведу цитату этого места с указанием количества пропущенных при цитировании слов между подлежащим и сказуемым: «*Quodsi hoc illustri ... die ... fieri posset, ut nos [6] altitudinis pertingeremus [32] Quam multiplici solemnium forma perfrueretur animus, si [42] diversos incolas diverso ritu [15] per unam eandemque clementissimam suam Dominam se beatos praedicare, sensu **perciperemus!***». Ср. в русском тексте: «Естьли бы в сей пресветлый праздник ... возможно было нам ... вознестись до высоты ... Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы **мы** себе чувствами **представили**, что ... разные обитатели разными образы ... единою все милостивейшею своею Самодержицею хвалятся» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 235—236, 257).

пенсационными механизмами: повышение красноречивости на уровне лексики, синтаксиса и грамматических форм закономерно приводило к отказу в выявлении очевидных стилистических особенностей, поскольку сохранение соответствующих фрагментов могло бы привести к излишней напыщенности.

Вместе с тем общее для обоих текстов обильное употребление тропов, фигур, риторическое построение слова в целом, наконец, характерное для русского текста обилие славянских форм не позволяет признать его однозначно менее торжественным и украшенным, чем латинский. Скорее, следует говорить о том, что набор средств — и, в первую очередь, средств языка — в том и другом случае не мог не быть и не был одинаковым, что вело к объяснимой вариативности, обусловленной различным строем языков и несопоставимым объемом опыта их художественного использования.

В связи с этим важно заметить, что наиболее ожидаемая правка — замена оборотов, свойственных русскому языку, но отсутствующих в латинском, на деле представлена минимальным числом примеров. Прежде всего, Ломоносов старается избегать прямой кальки русских выражений. Так, «друг за другом» передается словами «*concitata multitudo*» (воодушевленное множество); «землемерная наука» как «*terrarum orbis scientia*» (наука о земном шаре), «российские галеры» как «*triremes*», и т. д. Некоторые выражения, пришедшие из славянской библии, несмотря на наличие буквальных соответствий в Вульгате, воспринимались, по-видимому, Ломоносовым как подчеркнутые славянизмы, что заставляло его употреблять иные выражения: «*dignitas mea*» (моя гордость) вместо «рог мой»; «*nobilis stirps*» (благородный корень) вместо «насажденный добродетельми виноград»; «*cruentam palmam obtinuerunt*» (прибегли к жестокости) вместо «победа куплена немалым пролитием крови». Этими случаями, однако, прямая «дерусификация» латинского текста, по сути, ограничивается.

Наоборот, наиболее четко выделяемый тип использованной Ломоносовым правки позволяет говорить о том, что в основе его ораторского стиля лежали модели орнаментации,

неизбежно приводившие к более активному использованию их в латинской речи. Почти треть случаев как «упрощающей», так и «украшающей» правки русского текста (соответственно — 45 из 151 и 99 из 303) представлена заменами, выражающимися в добавлении или исключении эпитетов (*верная любовь* → *amor*; *меч* → *concessus gladius* (обнаженный меч)), синонимов (*в мыслях и сердцах* → *ex animis*; *пресветлый* → *illustri solemnique* (светлый и торжественный)) и простейших парафраз (выражение одного слова двумя: *мысленный взор* → *animus*; *обозреть* → *oculis subiecere* (бросить взор)).²¹

Подобное обращение со словами и их значениями восходит к идее о том, что любое явление потенциально может быть описано бесконечным числом словесных выражений, которая под именем «*соріа verborum*» была прочно введена в обиход школьного обучения латыни Эразмом Роттердамским. Предложенный им для достижения стилистического разнообразия метод коллекционирования эпитетов, синонимов и парафраз привел уже в начале XVI в. к появлению различных подобных печатных сборников. Они хорошо зарекомендовали себя в школьной практике (предполагавшей перед началом создания собственных художественных опытов на латыни усердные упражнения в переложении образцов), однако обилие справочников со временем привело к созданию компендиумов, которые удовлетворяли бы всем нуждам учащихся. Из подобных компендиумов к концу XVII в. получил наибольшее распространение и, незначительно изменяясь, дожил в активной школьной практике до начала XX века справочник, ставший известным под кратким названием «*Gradus ad Parnassum*» (в первых изданиях — «*Synonymorum et epithetorum thesaurus*»).²² Его первоначальный корпус составил

²¹ Эта особенность перевода была отмечена Я. М. Боровским: «Нередки случаи, когда ... Ломоносов обогащает перевод внесением в него новых красок и таким образом дает как бы улучшенные варианты отдельных мест своей речи. Иногда это касается лишь одного-двух слов — добавляется эпитет, собственное выражение заменяется тропом» (Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова... С. 209).

²² Дальнейшее изложение европейской истории данного пособия основано преимущественно на статье: Ennen R. C. The Early History of the «*Gradus ad Parnassum*» // *Archivum Historicum Societatis Iesu*. 1987. Vol. 56. P. 233—

в середине XVII в. в Париже в иезуитском коллеже Св. Варвары; три основных его типа сложились во Франции, Германии и Англии к началу XVIII в.²³ Справочник этот представлял собой словарь, где для каждого слова приводились его просодические характеристики (долгота и краткость слогов); средства к его украшению (с помощью эпитетов, синонимов и парафраз — также с просодическими знаками); образцы употребления у классиков. Мифологическим именам давались толкования; со временем в состав статьи был включен перевод заголовочного слова на современные языки. В конце статьи могли приводиться отсылки к схожим статьям, из которых можно было получить дополнительный материал к украшению.

Логичность в построении статей; обширность привлеченного материала (к началу XVIII в. словарь составлял более тысячи страниц in 4°); удачные шрифтовые решения в выделении заголовка статьи и различных ее частей, а также в отделении статей между собой, — все это обеспечило «*Gradus ad Parnassum*» заслуженную востребованность в латинских учебных заведениях в Европе и за океаном. Книга чрезвычайно широко использовалась как настольное пособие также вне школьных занятий. И если выпускник Принстона и будущий историк Американской революции Дэвид Рэмси в 1777 г. писал: «Я с большим трудом сочиняю на латыни, когда под рукой нет *Gradus ad Parnassum*»,²⁴ то о стихотворце А. К. Шкляеве (ум. 1833), преподававшем в Вятской семинарии с 1784 по 1788 г., его современник вспоминал, что тот «писал латинские

266.

²³ Основой для перепечаток «*Gradus*» в англоязычном пространстве до конца XVIII века стало издание, перепечатанное в 1691 г. с французского подлинника в Лондоне Бенджамином Туком; в Германии и ориентировавшихся на ее школьную систему странах — переработка Пауля Алера, впервые вышедшая в свет в Кельне в 1702 или 1706 гг. (отличительной особенностью издания стало включение краткого курса Алера по поэтике — «*Praxis Poetica*»). Получившая наибольшее распространение во Франции переработка «*Gradus ad Parnassum*» была выполнена Жаком Ваниером и под кратким названием «*Dictionarium Poeticum*» впервые вышла в Париже в 1710 г.

²⁴ David Ramsay, 1749—1815. Selections from his writings / ed. by R. L. Brunhouse // Transactions of the American philosophical society. 1965. Vol. 55, № 4. P. 55.

стихи с такой легкостью, что никогда не пользовался известным „Gradus ad Parnassum“, без пособия которого обыкновенно не обходились сочинители латинских стихов»²⁵. Использование «Gradus ad Parnassum» в России в XVIII веке было чрезвычайно широким: о нем упоминается во многих перечнях книг учебных заведений.²⁶ В том числе экземпляры этого пособия закупались Ломоносовым для гимназии Академии наук²⁷.

Таким образом, появление при переводе Ломоносовым похвального слова с русского на латинский язык большого числа изменений, связанных с эпитетами, синонимами и простейшими парафразами, не должно удивлять. Сопоставление подобных замен со статьями «Gradus ad Parnassum» устанавливает непосредственные соответствия для, по меньшей мере,

²⁵ Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века (окончание) // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1897. С. 217. Сведения эти сохранились в устных рассказах Г. И. Пинегина (1792—1871), знакомство которого с Шкляевым не могло состояться раньше 1800-х гг., однако вероятно предположить, что оно характеризует и стихотворные опыты 1780-х гг.

²⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1906. Т. 16. Стб. 645—646; Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 178; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подгот. изд. Н. А. Пенчко. М., 1960. Т. 2. С. 27; Там же. Т. 3. С. 166; Владимирова В. В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие. Казань, 1867. Ч. 1. С. 133, 158; Свирелин А. И. Переславское духовное училище // Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1866. № 24 (15 дек.). С. 1363.

²⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 530; Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 746. Стоит также отметить, что «*Сориа verborum*» Эразма входила в число пособий Ломоносова в Марбурге; в составе библиотеки В. Г. Орлова, куда вошли и книги Ломоносова, есть издание одного из ранних предшественников «Gradus ad Parnassum» — словаря поэтических фраз (*Thesaurus phrasium poeticarum*) И. Бюхлера; а в 1758 г. Ломоносов приобрел в академической книжной лавке составленный по образцу «Gradus ad Parnassum» немецкий поэтический словарь (*Poetisches Lexicon*) И. Г. Гаманна (Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 411, 439; Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 200).

трети из них.²⁸ Таким образом, можно уверенно говорить, что одной из особенностей ораторского стиля Ломоносова является использование закреплённой школьной традицией модели украшения речи за счёт *coria verborum*, что заставляет особо внимательно относиться к таким показателям лексики его художественных сочинений, как сочетаемость, синонимические ряды (включая фразеологические обороты) и их соотносённость с латинской школьной традицией конца XVII — начала XVIII века.

В целом, сравнение русского и латинского текстов «Слова похвального» 1749 г. показывает, что, несмотря на блистательное использование в русском тексте латинских по происхождению средств создания панегирика, которые были описаны Ломоносовым годом ранее в Риторике, стиль подлинника и его латинского перевода в значительной степени различаются. Почти два тысячелетия пронесённой через школьную традицию латинской литературы привели к созданию богатейшей сокровищницы художественных средств, которые, усваиваясь на уровне учебных курсов, становились скорее фактами языка, чем поэтическими открытиями. Там, где в латинской речи Ломоносов мог автоматически использовать бесконечные суперлативы, эпитеты, синонимы и парафразы, сложные синтаксические обороты и другие средства, русский язык давал ему значительно меньший выбор: почти каждое выражение становилось предметом обдуманного выбора и счастливой находки; из-за малого поля общих конвенций многие предлагавшиеся латинскими образцами модели не могли быть исполь-

²⁸ Приведу несколько случаев, когда произведенные Ломоносовым замены соответствуют первым (из большого списка) примерам в статьях «*Gradus ad Parnassum*» (использовано издание, включавшее в том числе венгерские, немецкие и болгарские переводы заголовочных слов: *Gradus ad Parnassum sive Novus synonymorum, epithetorum, et phrasium poeticarum thesaurus... Tyrnaviae, 1747*). Правка Ломоносова: «нет такого нещастия» → «*nullam tam ... adversam fortunam*»; ср. в статье GaP «*Infortunium*» первый пример в разделе парафраз: «*fotruna adversa*». «Милосердием Твоим живущих» → «*per ... clementiam Tuam spiritum suum ducentes*»; ср. первый синоним в статье «*Vita*» (*spiritum*) и второй парафраз в статье «*Vivo*» (*vitales auras carpo, duco, traho*). «Никоим красноречием» → «*nulla dicendi vi nulloque eloquio*»; ср. первый парафраз в статье «*Eloquentia*» (*dicendi vis*).

зованы вовсе или использовались ограниченно. Своей работой Ломоносов сам создавал эти конвенции, обновляя русский язык и делая его достойным и древних, и новых соперников. В этом труде было много раздумий упорного ученого и озарений гениального поэта, но он был бы невозможен без добросовестного усвоения навыков, заложенных той общей для Европы начала XVIII века латинской школой, которая мало различалась в Москве, Петербурге и Марбурге. Без усвоения особенностей этой школы полноценное исследование русской литературы конца XVII — первой половины XVIII века невозможно.